

— Да уж, — Мастер Цай не удостоил её взглядом, не отрываясь от глиняной чашки в руках, — каждый год одно и то же. Как только всё заканчивается, они тут как тут.

Видя, что атмосфера накаляется, Мэн Цзыинь поспешил вмешаться, опасаясь новой перепалки:

— Как только придут обе младшие сестры, я встану с ними к плите. Приготовлю пару блюд, чтобы вы оценили.

Дунчжи в Юйфэне издревле отмечали шумными храмовыми ярмарками. С самого полудня в городе не смолкали петарды, а на сцене перед Храмом Божества Земли представления сменяли друг друга без перерыва. Торговцы, чьи лавки тянулись вдоль всей улицы, облачились в праздничные ватные халаты и встречали гуляющих приветливыми улыбками.

Фэнлин выбрала подарок для Таньюань в лавке с колокольчиками и бубнами, расплатилась медяками, но, обернувшись, не обнаружила рядом Су Ю. Прижимая к груди сверток, она пробилась сквозь плотную толпу и наконец выбралась к сцене. Отбросив со лба мешавшую челку, она увидела Су Ю: та стояла посреди зрителей и зачарованно смотрела на Цай Сяовэнь, выступавшую на подмостках.

Цай Сяовэнь, ученица ветви секты Эмэй, мастерски владела железным веером. Среди немногих последователей Эмэй в городе она была одной из тех, кто начал обучение раньше остальных. Сейчас она вместе с младшими учениками исполняла танец с веерами — обязательный номер программы на каждой ярмарке. Фэнлин это не удивило. Её поразили взгляд Су Ю. В нём сквозило такое упоение, какого не должно быть при взгляде на младшую сестру, даже если та необычайно мила. Фэнлин снова перевела взгляд на сцену. Черный железный веер в руках Сяовэнь со свистом рассекал воздух, взмывал вверх и вновь оказывался в ладони, издавая при ударе звонкий, бодрящий звук. Сяовэнь не останавливалась ни на миг: уверенно переступая, она кружилась в танце, совершила десяток оборотов, а затем замерла, сложив веер перед грудью.

Толпа взорвалась аплодисментами. Сяовэнь ударила ладонью по основанию веера, подбросив его в воздух, поймала рукоять, откинулась назад и, опираясь одной рукой о землю, сделала сальто, а приземлившись, вновь раскрыла веер в стремительном вращении.

— И вправду красиво, — пробормотала Фэнлин. — Это больше похоже на танец, чем на боевое искусство... А та, другая, похоже, совсем потеряла голову... Эй? Где она?

Су Ю снова исчезла.

Тем временем Цай Сяовэнь, закончив выступление, попрощалась с младшими и поспешила к дому Мэн Цзыиня. Едва переступив порог, она увидела Госпожу Су и поспешила опуститься на колени:

— Здравствуйте, старшая наставница!

— Ой, Сяовэнь, вставай, вставай! — Госпожа Су подалась вперед, подняла девушку и, усадив рядом, принялась вытирать ей лоб своим платком. — Посмотри, вся взмокла, совсем тебя измотали.

В отличие от холодного отношения к Мастеру Цаю, к Сяовэнь Госпожа Су питала искреннюю нежность.

Сяовэнь приняла платок, вытерлась и с глуповатой улыбкой произнесла:

— Я не устала, наставница!

— Столько месяцев не виделись! Дай-ка я на тебя посмотрю. Ох... совсем взрослая стала, черты лица так оформились, куда краше отца.

Мастер Цай лишь пожал плечами и довольно улыбнулся, глядя на дочь.

— Отец, здравствуй. И... старший брат, доброго здоровья.

— Приветствую, младшая сестра Сяовэнь! — Мэн Цзыинь просиял и указал на последнее свободное место: — Осталось дожидаться только младшую сестру Су Ю.

Госпожа Су удивилась:

— Сяовэнь, которая выступала на сцене, уже здесь. Куда же запропастилась эта Су Ю?

Мастер Цай, не успевший толком пообедать в спешке, уже проголодался и жаждал поскорее сесть за ужин. Он тоже спросил:

— Разве она не на ярмарку ушла? Сяовэнь, ты не видела старшую сестру?

— Нет... — Сяовэнь растерянно покачала головой, прижимая платок к лицу. — Не видела сестру.

В этот самый момент в дверях показалась Су Ю. Вид у неё был отрешенный.

Госпожа Су тут же окликнула её:

— Су Ю, где ты была? Почему вернулась позже Сяовэнь?

Су Ю, до этого смотревшая сквозь них, словно очнулась. Она собралась с силами и произнесла:

— Матушка... — Она поправила полы халата и поклонилась Мастеру Цаю: — Дядюшка, доброго здоровья.

— Вставай, вставай! Су Ю, ты совсем замоталась, давно тебя не видел, хе-хе.

Су Ю рассеянно поднялась и повернулась к Мэн Цзыиню:

— Старший брат, доброго здоровья.

— Приветствую, младшая сестра!

Сяовэнь, дождавшись своей очереди, с улыбкой произнесла:

— Приветствую, старшая сестра!

Сегодня после ужина им предстояло состязание в мастерстве изготовления чайников из глины цзыша. Сяовэнь была в предвкушении и полагала, что Су Ю разделяет её азарт. Но та не улыбнулась в ответ, а отвела взгляд и тихо буркнула под нос:

— Привет, Сяовэнь.

Она даже не взглянула на неё. Улыбка Сяовэнь застыла на губах. Она недоумевала: Что опять не так? Вроде же помирились... Почему она опять не хочет со мной разговаривать? Я что-то сделала не так? Да вроде нет... Ох, эта Юдзы, ну и характер!

Мэн Цзыинь под предводительством Мастера Цая проводил всех на кухню. Там было чисто, Танъюань стояла у стола, собираясь мыть овощи, принесенные из дома. Сяовэнь удивилась:

— Разве тебе не разрешили сегодня отдыхать? Почему ты здесь?

Кухня еще не была протоплена, и щеки Танъюань покраснели от холода. Она отложила ковшик и потерла кончик носа:

— Я ждала Фэнлин, но она не пришла, вот и начала мыть овощи.

Сяовэнь и Мэн Цзыинь вопросительно посмотрели на Су Ю. Та лишь спустя время заметила их взгляды и поспешно ответила:

— Мы разошлись на ярмарке, я была не с ней...

Сяовэнь подошла к Танъюань и мягко вытолкнула её из кухни:

— Иди отдыхай. Мы сами приготовим, иди развлекайся.

Танъюань, подчиняясь, вздохнула:

— Ладно, ладно, пойду поищу Фэнлин.

Сяовэнь обернулась к старшим:

— Ну, за работу? Как распределим обязанности, брат?

Мэн Цзыинь перебрал овощи и предложил:

— Я сварю куриный суп с редькой на маленькой печи. Сяовэнь, ты будешь главной на большой плите. Говори, что нужно сделать, я нарежу. А ты, Су Ю, за что возьмешься?

Су Ю, которой было неловко признаться, что она умеет только есть, пробормотала:

— Я... я... буду мыть овощи.

Троица принялась за дело. Су Ю подошла к чану с водой, взяла ковшик и, глядя на свое отражение, которое дробилось на воде, принялась за работу. Шум воды заглушал веселый смех Мэн Цзыиня и Сяовэнь. Су Ю чувствовала раздражение: ей хотелось выгнать их обоих, чтобы насладиться тишиной. Хотя, если подумать, она хотела выгнать только Мэн Цзыиня, а Сяовэнь оставить — даже её болтовня казалась любопытной. Су Ю в сердцах с такой силой принялась тереть редьку, что вода в чане заходила ходуном.

Мэн Цзыинь стоял рядом и, получив порцию брызг на лицо, вытерся рукавом. Повернувшись, он увидел, что Су Ю впиалась взглядом в овощ, словно собиралась проглотить его целиком. Он лишь приподнял брови и, решив держаться подальше, ушел разжигать печь. Теперь на кухне остались только Су Ю и Сяовэнь, которая быстро нарезала вяленое мясо.

Сяовэнь, закончив, вытерла нож и посмотрела на Су Ю. Та продолжала яростно мыть редьку. Сяовэнь чувствовала себя не в своей тарелке: она никак не могла понять ход мыслей Су Ю. Ведь еще недавно, прощаясь у дома, они были так дружны! Почему теперь она ведет себя так холодно? Сяовэнь перебирала в уме последние дни: она всё время сидела дома за гончарным кругом и даже не виделась с Су Ю, как могла её обидеть? Она решила: если Су Ю заговорит первой, она обязательно во всём признается.

Су Ю же, теребя редьку до такой степени, что с неё почти слезла кожица, втайне надеялась: если Сяовэнь заговорит первой, она обязательно ответит ей по-доброму.

Так, в ожидании друг друга, блюда были готовы. Но за всё время никто не проронил ни слова.

После первой чарки все принялись за еду. Су Ю, глядя на стол, ломившийся от яств, чувствовала себя еще более подавленной. Для неё такие застолья были пыткой: она не могла есть столько, сколько хотелось, и уходила из-за стола полуголодной, чтобы потом дома доедать лапшу, приготовленную Фэнлин. Она мечтала устраивать такие пиры у себя дома, чтобы после ухода гостей в одиночестве доедать всё, что осталось. Но сейчас, под присмотром матери, дядюшки, младшей сестры и брата, она не смела и пошевелиться. Она молча взяла кусочек свинины, приготовленной на пару, и начала жевать.

Вкусно! Она проглотила кусок, наслаждаясь ароматом. В прошлом году Сяовэнь уже готовила это блюдо, но Су Ю была занята на обжиге и не смогла прийти. Даже после рассказов Госпожи Су ей не терпелось попробовать. И теперь, распробовав, она поняла, что слухи не врань: нежное мясо, пропитанное соком и рисовой мукой, таяло во рту. Она потянулась за вторым куском, но, заметив, что Сяовэнь ест только овощи, устыдилась и замерла, с завистью наблюдая, как Мэн Цзыинь уплетает мясо.

Сяовэнь не ела мясо не нарочно — у неё просто не было аппетита из-за плохого настроения. Она думала, что еда не нравится Су Ю, и это еще больше портило ей аппетит. В итоге обе девушки закончили ужин с тяжелым сердцем.

Фэнлин и Танъюань, напротив, наелись досыта. Танъюань убрала посуду и подала чай, а Фэнлин вынесла поднос, накрытый парчовой тканью, и поставила его в центр стола.

Госпожа Су, взглянув на приунывших соперниц, поняла, что разговоры бесполезны, и сдернула ткань. На подносе стояли два чайника из красной глины: один квадратный, другой круглый. Оба выглядели просто и добротно. Видимо, Сяовэнь в этот раз решила не мудрить. Оставалось лишь гадать, кто какой сделал.

Мастер Цай, не церемонясь, первым взял квадратный чайник. Он внимательно осмотрел его, повертел в руках, проверил крышку. Закрывая её, он слегка нахмурился и поставил чайник на место.

Госпожа Су тем временем оценивала круглый чайник. Затем они поменялись местами и, осмотрев оба изделия, одновременно нахмурились.

— Фэнлин, — распорядилась Госпожа Су, — завари-ка нам чай в этих чайниках.

Через мгновение Фэнлин принесла чайники, из носиков которых поднимался ароматный пар. Старшие налили по чашке, попробовали и, когда они уже собирались вынести вердикт, Су Ю вдруг встала:

— Матушка, дядюшка, результат можно не объявлять. Мы не будем состязаться.

Все были ошарашены. Мэн Цзыинь чуть не обжегся, а Сяовэнь, до этого сдерживавшаяся, чтобы не смотреть на Су Ю, теперь не сводила с неё глаз.

Су Ю спокойно пояснила:

— Наша цель была обменяться опытом. Кто лучше, кто хуже — неважно. Сегодня семейный ужин, и если вы назовете победителя, это лишь испортит всем настроение.

Госпожа Су немного подумала и кивнула:

— Хорошо, не будем. Но мы должны указать на ошибки. Оба чайника выглядят слишком

обычно, в них не чувствуется ваш почерк. Мы не знаем, кто какой сделал, поэтому скажем лишь о недостатках. Квадратный чайник: крышка не прилегает плотно к корпусу. Круглый: цвет по обе стороны от носика заметно различается. Квадратный проигрывает в форме, круглый — в обжиге.

Мастер Цай добавил:

— Су Ю, Сяовэнь, работа с глиной цзыша требует иного подхода. Вам не хватает опыта, нужно больше практиковаться.

Девушки смущенно кивнули.

— В общем, оба чайника равноценны, ничья. Но чайник — это прежде всего утварь, и побеждает тот, в котором чай получается вкуснее.

Су Ю поклонилась:

— Я запомню ваши наставления. На обжиге в большой печи партия ценной керамики, я переживаю, пойду проверю. Прошу прощения.

Су Ю ушла. Сяовэнь стояла, не проронив ни слова. Мэн Цзыинь дернул её за рукав:

— Сяовэнь, ну какой из них твой? Скажи по секрету.

Сяовэнь не ответила. Она налила чаю из квадратного чайника и выпила. Чай был ароматным, но... горьким.

Этот Дунчжи стал первым праздником, который Господин Чжоу проводил в одиночестве. Раньше он отмечал его с родителями, сестрами и братом за горячим котлом в теплом зале. Только теперь он по-настоящему осознал ценность семейного тепла.

Почти все слуги разъехались по домам. Господин Чжоу сидел в своей комнате, бросая в котел кусок тофу без всякого аппетита. Есть в одиночестве было скучно. Он пил вино, которое казалось ему невкусным, и от которого лицо горело, а в голове плыли образы Су Ю. Он задержался в Юйфэне уже на десять дней, но после второй встречи с Су Ю больше не видел её. Он мучительно искал повод для новой встречи и решил заказать еще одну партию керамики.

Господин Чжоу закрыл глаза, пытаясь вызвать в памяти образ Су Ю — её тихую, нежную улыбку. Он невольно улыбнулся, дрожащими руками поднял кувшин и залпом допил вино, после чего уронил его на стол и уронил голову на руки. Кубок покатился по полу и разбился.

Он не слышал звона. Бормоча стихи о прекрасной деве, он пытался позвать её:

— Су... Су Ю!

«Су Ю... Су Ю...» — в ту же холодную ночь Су Ю, сидя за покосившимся столом, допивала последнюю чашу вина и ворчала:

— Су Ю... ты же старшая сестра... о чем ты думаешь? Совсем потеряла лицо... хочешь погубить Сяовэнь? Тетя, еще порцию жареной лапши!

После ухода от Мэн Цзыиня она не пошла к печи, а наняла повозку и отправилась на ночной рынок. Она была не в духе. Дефект крышки квадратного чайника она оставила специально, чтобы Сяовэнь победила. Но та сама допустила ошибку. Су Ю жалела, что отменила состязание — ведь тогда она могла бы потребовать от Сяовэнь что угодно...

Хозяйка лавки, не неся лапши, потрясла её за плечо:

— Девушка, хватит, вы уже съели три порции.

Су Ю подняла затуманенный взор:

— Что? В законах Великой Сун есть статья о запрете на поедание более трех порций лапши?

Хозяйка рассмеялась:

— Ну и выдумщица. Лапша кажется легкой, но она очень сытная. Больше нельзя, лопнете.

— Я... — Су Ю запнулась. — Я не ем много... Просто на душе тяжело... Каково это — лопнуть? Никогда не пробовала...

— Если на душе тяжело, надо дома сидеть. Вино пьют от радости, а от печали оно только горше. Одета ты богато, неужели так много забот?

— Забот... полон рот... — Су Ю подперла подбородок рукой и уставилась на толпу. — Мне вечно кажется, что она маячит перед глазами... О, вот опять... Эй? Нет... — она резко выпрямилась, протерла глаза и замерла в изумлении: — Э?!

Среди толпы, кутаясь в черный плащ, промелькнула Цай Сяовэнь...

Была глубокая ночь. Су Ю притаилась в темном углу у дома Сяовэнь. Прошло уже больше часа, пронизывающий ветер заставлял её дрожать, несмотря на теплый халат.